

A movie poster featuring a man and a woman in tactical gear. The man is on the left, looking slightly to the right with a serious expression. The woman is on the right, looking directly at the camera. They are both wearing dark, high-collared jackets. The background is a city skyline at sunset or sunrise, with a prominent red and orange sky. The title 'ГЛОБАЛЬНАЯ СИНХРОНИЗАЦИЯ' is written in large, bold, orange and yellow letters across the bottom half of the image.

ГЛОБАЛЬНАЯ СИНХРОНИЗАЦИЯ

Светлана Непаршина

Светлана Непаршина

Глобальная синхронизация

<https://litres.ru/72208015>

SelfPub; 2026

Аннотация

После череды техногенных катастроф человечество встало перед последним выбором: либо объединиться, либо исчезнуть. Так родился проект Синхронизация глобальная система чипизации, подавляющая агрессию и объединяющая умы.

Адриан архитектор проекта, лицо которого никто не видел. Она часть сопротивления, готовая пойти на всё, чтобы остановить систему. Их встреча должна была изменить ход истории.

Чипирование охватывает всё новые территории, подключая миллионы к единой сети синхронизации. До финального запуска 40 дней и программа объединит человечество в одном сознании.

Но в преддверии запуска что-то идет не так.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Пилотный запуск	8
Глава 2. Первый протокол	16
Глава 3. Последний день	25
Глава 4. Трущобы	32
Глава 5. Надежда	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Светлана Непаршина

Глобальная синхронизация

Пролог

К середине XXI века человечество оказалось загнанным в угол собственным развитием. Технологический прогресс, ещё недавно казавшийся светом будущего, обернулся сетью интриг, которые окутывали, как липкие нити все государства. Разработки ученых, ещё недавно считавшиеся вершиной эволюции, обернулись ловушкой, из которой уже не было выхода. Каждое государство, независимо от официальной идеологии, втайне наращивало ядерный потенциал, готовясь к мгновенному, взаимному и окончательному противостоянию. Мир больше не боролся за территории или идеи — теперь в центре конфликта оказались оставшиеся ресурсы: питьевая вода, редкоземельные элементы, безопасные климатические зоны, полезные ископаемые и доступ к энергии.

Поверхность планеты превратилась в гигантскую шахматную доску, где каждая фигура дрожала от страха быть сброшенной первым ударом. Люди просыпались с чувством тревоги, ложились спать с внутренним холодом, изо дня в день ожидая момента, когда кто-то не справится с грузом ответственности, сделает фатальный выбор и это будет началом катастрофы. Мир стал слишком хрупким, угнетающе-напряженным и слишком непредсказуемым.

В условиях этой всепоглощающей и пожирающей паники и недоверия, в кулуарах власти, куда было не добраться жур-

налистам. Где все протоколы совещаний существовали только в памяти, зародился проект, который позже назовут последним шансом человечества. Тайное мировое соглашение, заключенное между сильнейшими лидерами планеты и влиятельными структурами, породило инициативу, смысл которой заключался не в уговорах жить в мире, не в разработке новейшего оружия, а в перепрошивке человеческого сознания.

Программа «Синхронизация» предлагала избавить планету от хаоса, не подавляя его насилием, а исключив его возможность на нейронном уровне. Чипизация населения должна была устранить причину конфликтов, установив единую, согласованную систему восприятия, мышления и реакции. Людей больше не требовалось убеждать и внедрять идеологию, после подключения они полностью меняли свое мировоззрение.

Проект подавался как обязательный этап, без права выбора, и миллионы приняли его с облегчением, потому что страх оказался куда сильнее инстинкта свободы. Но были и те, кто сопротивлялся, они выбирали свободу. Такие люди исчезали из реестров и уходили в подпольное сопротивление.

Мир плавно переходил на новый уровень, а люди учились улыбаться без тревоги, казалось бы решение найдено! В будущем развитии человечества без агрессии всё выглядело почти идеально.

Но в этой идеальности больше не оставалось места случайности. Так начиналась новая цифровая эпоха. И в самой точке отсчёта стояло всего два человека: один создавал эту систему, веря в то, что он спасает мир, а вторая боролась с ней, отчаянно защищая то, что ещё можно было называть свободной волей.

Глава 1. Пилотный запуск

Небо над мегаполисом казалось неестественно прозрачным. На высоте, где воздух более разреженный, было ощущение — будто кто-то вымыл его до стеклянного блеска. Ни облака, ни градации цвета на горизонте. Только ровный холодный свет который проникал через высокие панорамные окна.

В густых клубах плотного смога, внизу город продолжал жить — в точности со своим графиком, без отклонений и глобальных колебаний. Пешеходы шли размеренно, вереницы машин двигались ровными потоками, на рекламных экранах не мелькало ничего тревожного.

Адриан Кэйт стоял у окна 188-го этажа. Его профиль отбрасывал чёткую тень на гладкую поверхность стены. Он стоял неподвижно уже десять минут. Его взгляд был устремлен вниз. Детали этого урбанистического пейзажа он знал наизусть. Именно он был идеологом этого проекта. Он затаил дыхание в ожидании, когда интеллект его системы оживёт и начнёт мыслить по-новому.

На столе за его спиной, на экране монитора, появилось уведомление. Последний отчёт подтвердил: «Готовность — 99,8%». Ещё два процента останутся за следующими циклами. Погрешности в 0,2% больше чем достаточно, чтобы начать.

В нём не было страха. Его лицо выражало только решительность и лишь по темным теням под его глазами можно было определить его усталость. Поймут ее только те, кто знает цену бессонных ночей и решений, которые за собой несут колоссальную ответственность. Эти люди не просто нажимают на кнопки, они понимают, к чему ведёт тот или иной выбор.

Когда-то он чувствовал в этот момент волнение, даже гордость. Сейчас он чувствовал только холодную собранность без лишних эмоций. Всё, что должно было быть сделано, он прямо сейчас воплощает в жизнь. Самое опасное, что ему необходимо было сделать - это учесть все возможные и опасные развития событий. Сейчас Адриан был уверен - он учел все.

Он — архитектор проекта. И именно в этом была его сила. На другом конце города, в старом районе, где ещё не снесли постройки, Киара Дакс пересекала внутренний двор. Скользя почти не слышно мимо обветшалых зданий, она осторожно ступала по потрескавшемуся асфальту, оглядываясь так, словно за каждым углом её поджидала опасность. Темные тени, будто небрежные мазки кисти, пересекали дорогу перед ней. Пустые оконные проёмы зияли, словно глазницы давно умерших великанов. Казалось, сам воздух здесь был другим — плотным, липко обволакивая ее кожу.

Под толстым худи у неё на уровне солнечного сплетения был датчик, который передавал импульсы к сфере в ее руках.

Это был самодельный блокиратор сигнала. Оружие, которое она собрала своими руками — из обломков, проводов и деталей, найденных на свалках. Каждый шаг к его созданию мог стоить ей жизни, но теперь оно было её единственным шансом против системы. Нелегальное, абсолютно бессмысленное и неэффективное средство по мнению тех, кто давно сдался и больше не верил в сопротивление. Но она всё равно держалась за него, как за единственно возможный шанс.

Где-то в соседнем доме женщина укачивала ребёнка. Далеко, почти шёпотом, работал генератор. До неё доносились обрывки фраз — глухие, искажённые дневным гулом улицы.

Сегодня наступит день, после которого некоторым людям нельзя будет ничего вернуть. В этот день начиналось испытание чипа. Обратный отсчёт запущен. У неё оставалось всего сорок дней — сорок дней свободы и мыслей, принадлежавших только ей. Каждый из них теперь казался последним. Чуть больше месяца, чтобы бороться или принять, сломаться или спастись. Она оставалась последней точкой сопротивления. Времени было слишком мало, Киара знала это. Она должна была что-то предпринять.

В глубине центрального здания Global — места где родился проект, за двумя уровнями допуска, Хагал вошёл в зал нейросервера. Он прошёл мимо сотрудников, кивнул дежурному инженеру, проверил два ручных ключа доступа и поставил цифровую печать. Всё шло строго по плану.

Серверы пели свой ровный металлический гул. Хагал был спокоен. Его лицо, как всегда, не выражало эмоций. Даже тем, кто рядом с ним работал бок о бок несколько лет — не удалось сблизиться по-настоящему. Его подлинной открытости никто никогда не видел. Нельзя было с уверенностью сказать, что он любит, что вызывает в нём неприязнь, что способно тронуть его душу или, напротив, оставить равнодушным. Всё в нём казалось выверенным, сдержанным и тщательно подогнанным под образ. Те любопытные, которые пытались понять, что за человек скрывается за этой внешней собранностью, натыкались на крепость, которую он построил внутри себя и в которую никого не пускал...

Он знал, что его роль — обеспечивать безопасность этого грандиозного проекта. Он выверенными шагами ее реализовывал.

Тем временем в квартирах, школах, офисах и больничных коридорах одного города, тщательно выбранного для пилотного запуска, люди одновременно получили смс сообщение: «Активация: завтра, 07:00 по локальному времени. Рекомендовано добровольное подключение».

Некоторые люди смотрели на экраны телефонов с облегчением, другие — с сомнением, но большинство — просто с привычной покорностью.

Они уже привыкли жить с ощущением надвигающегося конца, как с фоном повседневности. И теперь ждали перемен с той же смесью надежды и страха, с какой когда-то жда-

ли второго пришествия Христа— не зная, принесёт ли оно спасение или окончательный суд.

#

Адриан повернулся к столу. Сделав плавное движение рукой, под его пальцами включилась проекция — карта глобального охвата. Каждая точка на модели означала человека с имплантированным чипом. Это были не просто сигналы — это были сети синхронизации, связывающие систему в единое целое. Скоро эти люди избавятся от агрессии, как от ненавистной болезни. С исчезновением агрессии они получат свой главный бонус: ускоренную нейропластичность, которая способна переписать привычки, вылечить страхи, освоить любой навык за считанные часы и превратить человеческий разум в постоянно обновляющийся, самосовершенствующийся механизм. Это был идеал, архитектором которого был Адриан.

За последние месяцы по всей планете прокатилась волна беспорядков, протестов, побегов. Никто не ожидал, что сопротивление будет громким и яростным. Люди выходили на улицы с плакатами, забаррикадировались в домах. Преступники на фоне напряженной обстановки устраивали рейды мародерства: взламывали терминалы, грабили. Повстанцы поджигали пункты активации и деактивировали действие чипов. Кто-то верил, что это поможет, кто-то так выражал свой протест, кто-то просто боялся. Большинство людей понимали, что выбора нет.

На официальных брифингах говорили о добровольности проекта. В презентациях для прессы рассказывали о прогрессе и гуманности. В рекламных роликах — о новом мире, где страх и агрессия навсегда уступят место ясности и гармонии. Как архитектор проекта, он гордился тем, что создал систему, способную объединить человечество.

Чипизация началась как обещание новой эры, но слишком быстро стала наказанием за несогласие. Официально программа по синхронизации была добровольная. На деле — за несогласие отнимали доступ к еде, транспорту, работе, затем приходили специальные команды.

Их называли «серые» — мобильные группы, одетые в гладкие защитные костюмы без знаков различия. Они появлялись внезапно: в супермаркетах, школах, на рынках. Эти отряды выбирали людей без криков и лишнего внимания, быстро и без объяснений.

Адриан не владел реальной информацией, он был уверен, что все люди с радостью воспользуются этим шансом. Он не понимал, что этот выбор давно уже сделан за всех, именно системой.

#

Киара наблюдала это не один раз. Видела, как исчезала соседка, которая отказалась подписывать согласие. Видела, как из пунта задержания, в который люди попали после отказа делать чипизацию, за ночь исчезла половина людей. Она слышала, как ночью грузовики вывозили тех, кто ещё сопро-

тивлялся. Она знала что те, кто остались пока еще живы, но их разум уже пленили.

Киара понимала, что необходимо что то предпринять, пока не подавили всех и она увела сопротивление под землю. Те, кто не успел сбежать - постепенно замолчали. Те, кто остался спрятались глубоко в подземных городах. Она была одной из тех, кто не сдался из за упорного, почти болезненного принципа, за который она была готова платить всем, что у неё осталось.

Пока город погружался в безмолвное согласие, а знакомые исчезали один за другим, она и те немногие, кто ещё верил в возможность выбора, продолжали собираться в тени старых чердаков, на заброшенных станциях, в шепчущихся глубинах закрытых сетей метрополитена. Их повстанческое движение больше не было разрозненным — медленно оно росло, переплеталось, как корни под землёй, готовые однажды прорваться сквозь бетон.

Они учились действовать аккуратно, быстро и бесшумно. Повстанцы вырабатывали знаки и шифры, перепрошивали технику, искали союзников среди тех, кого система пока не видела. Сопротивление набирало силу и упрямо наращивало свой потенциал.

#

Где-то в верхних эшелонах власти Global обсуждали цифры. Там, где сидел Адриан, никто не говорил прямо о насилии. Там говорили о «принудительной оптимизации охвата»,

«ускоренной синхронизации сознания», «реструктуризации индивидуальных паттернов». Слово насилие не применяли в речи. Его заменили формами, таблицами и графиками.

Спутник Kenaz вышел на старт. Сигнал ещё не передавался, но система уже держала его "наготове", как сдерживаемый выброс энергии. Модули синхронизации прошли само-диагностику, оптические сенсоры разворачивались к планете, улавливая световые шумы, радиочастоты и следы движения. Всё было готово к старту.

Глава 2. Первый протокол

Гул подъёмника стих, и двери распахнулись. Адриан шагнул на платформу, разрывая сумрак мягким светом, который ворвался из кабины лифта за его спиной. Этот свет был неярким, рассеянным, но в пустом зале казался почти ослепительным — он струился по полу, цеплялся за рёбра конструкций, вытягивал из тени очертания колонн и кабелей, словно пробуждая пространство от сна.

Металл под ногами тихо загудел, передавая вибрацию вверх по телу — глухой, почти живой отклик. Зал был огромен, как собор, наполненный выжидающей тишиной. В самом центре, погружённый в полумрак, парил KENAZ: темный, гладкий, идеально симметричный, как будто его вырезали из ночного неба.

Он ещё не передавал сигналы, ещё хранил молчание. Но это молчание давило на психику сильнее любого звука. Адриан чувствовал, как каждый луч от лифта, каждый шаг и каждый вдох, все эти мелочи навсегда врезаются в этот момент — в точку, после которой история человечества будет переписана.

Центр управления Global — гигантская сфера из стали и стекла, утопленная на пол километра под землёй всегда встречала своим металлическим перешептыванием озона и лёгким холодком системы кондиционирования, циркулиру-

ющего в трубах охлаждения.

Виден был лишь сумрачный купол потолка, испещрённый светящимися линиями данных. Стоило на секунду сосредоточить свое внимание и линии становились картой: 20 миллионов точек Южного сектора окрашивались синим, жёлтым или тревожным красным. Сегодня красных почти не осталось.

— Доброе утро, сэр. — Оператор-аналитик отвёл глаза, когда Адриан прошёл в центр.

Короткий стол из прозрачного монолитного стекла сплетался с голографическими проекциями. Совет уже ждал. Семь фигур: министры, кураторы корпораций, пара военных. Все в одинаково тёмных костюмах, как будто выкроенных у одного портного. Лишь глаза каждого выдавали нервное мерцание. Адриан приветствовал всех едва заметным кивком и коснулся панели: в центре стола возникла голографическая сфера, на которой загорелся ярче Южный сектор — первая территория, где пилотный протокол был применён вживую.

— Отчёт, — произнёс он спокойно.

Оператор вызвал таблицу.

— Синхронизация — 94%, стабильность канала — 99,2%. Три процента — под наблюдением, остальные три — признаны нестабильными, подлежат изоляции.

— Нестабильными? — голос министра логистики резанул нервной ноткой.

— Нейтро-поведенческая несовместимость, — ответил аналитик. — Цифра в пределах статистической погрешности, сэр.

Адриан бросил быстрый взгляд на диаграмму метаболических волн: синие столбики бились ровно, будто упорядоченные сердечные ритмы.

— Уровень спонтанной агрессии? — спросил он.

— Снижен на восемьдесят семь процентов.

Министр социальной интеграции глобального проекта позволил себе выдох облегчения. Кто-то из кураторов шевельнул плечами, сглатывая слюну обдумывал, как задать вопрос: исчезают ли в статистике люди, когда их лишают выбора? Но вопрос вслух не прозвучал.

Слева от голограммы стоял начальник службы безопасности, Хагал. Он сдержанно держал руки за спиной, тень от стола пересекала безупречно выглаженный китель. Ни одного лишнего движения и ни одного лишнего взгляда. Он казался встроенной частью этой инфраструктуры которая должна была изменить ход истории человечества. Адриан отметил его присутствие без слов и переключил карту.

На сфере ярче загорелся Восточный сектор — огромная территория мегаполисов и фермерских зон. Серые зоны обозначали предполагаемые очаги протестов.

— Мы готовы к расширению, — сказал глава оперативно-го отдела, выводя график. — Дата активации первого протокола начнется через сорок дней.

Один из учёных-советников поднял руку, позволяя робкое высказывание.

— Соппротивление там достигает тридцати пяти процентов, — напомнил он. — Риски... могут оказаться не линейными.

Адриан ввёл на стекле цилиндрическую диаграмму. На ней кривая принятия — формула его собственной модели — плавно спускалась к безопасному плато.

— Даже при пиковом протесте точка синхронизации не сдвинется более чем на семьдесят два часа, — произнёс он твёрдо. — Система не дестабилизируется.

В зале воцарилась тяжёлая тишина. Казалось, сам Кеназ ждёт, самого главного решения, улавливая сердечные ритмы тех, кто собрался его принять.

— Единство стоит жертв? — негромко поинтересовался министр, не отрывая взгляда от данных на голографическом дисплее.

Угол губ Адриана едва заметно приподнялся, но в его голосе не дрогнуло ни тени сомнения.

— Жертвы? — повторил он с лёгкой улыбкой. — Простите, господа, но в этой модели нет места жертвам. Мы говорим не о принуждении, эта система совершенна. В синхронизации никто не пострадает.

Он действительно был убежден в этом. Статистику, которая касалась "отклонений", Хагал от него просто скрыл.

Члены Совета, один за другим, поставили электронные

подписи. Таймер на главном мониторе зажёгся алым отсчётом: 40 дней 00 часов 00 минут.

#

Когда заседание распустили, зал быстро опустел. Адриан остался на платформе, следя, как исчезают чужие силуэты за зеркальными створками. Тишина лёгким давлением легла на барабанные перепонки. Он позволил себе один глубокий вздох.

Потом повернулся к боковому коридору и двинулся к лифту. В металлическом тоннеле слышалось только эхо шагов да бессонная песня серверов: тысячи вентиляторов перекачивали холодный воздух, как гигантские лёгкие.

Апартаменты встретили его слабым янтарным светом. Перед ним открылось окно, за которым ночь, медленно обволакивала свои владения. Звёзды мерцали спокойно, торжественно, как будто сами наблюдали за происходящим внизу.

Глубокий космос расстился оватывая весь горизонт, это удивительное полотно восхищало и притягивало взгляд. И чем дольше Адриан смотрел, тем сильнее ощущал внутри эту странную пустоту.

Он прислонил ладонь к монитору. Тёплый импульс датчика мигнул: «Стресс — 36%. Рекомендуемый отдых — 30 минут.» Адриан отключил подсказку.

На консоли вспыхнула статичная фотография: девочка в ярко-жёлтом платье смеялась, запрокинув голову, а вокруг неё, как будто застывшие во времени искры — прозрачные

брызги ловящие солнце. Моя Сицилия.

Он не хотел возвращаться туда мыслями. Ему по прежнему было больно, эта утрата не отпускала его ни на минуту. Все, что он создал, было во имя сестры. Вся его система, каждая формула и расчет, были выстроены, чтобы защитить и сохранить жизнь таких же детей.

И всё же он невольно думал: если бы тогда уже существовал порядок, который был не иллюзорным, а настоящим. Выжили бы все на том пляже? Снимок продолжал гореть на экране, это была лишь картинка но в ней было больше жизни, чем во всей реальности Адриана. Он опустил глаза, ощущая, как внутри зашевелилось детское чувство всепоглощающей тоски.

Он стёр изображение движением пальцев так, как вытирают занозу. Переключил дисплей обратно на карту Южного сектора: вся карта светилась спокойным зелёным. Репортаж в мини-окне показывал улыбающихся жителей, чистые улицы, пустые стенды полиции.

Однако камера замедлила панорамирование и всего на одно, едва заметное мгновение. Что-то в кадре дёрнулось: пустынная аллея, на которой он увидел разбитую витрину. Показалось ли ему это? Он сам не знал.

— Сэр? — голос внутреннего коммутатора вернул его в реальность. — Подготовка к брифингу Восточного сектора в 10:00.

Адриан коротко подтвердил. Экран погас, растворив чу-

жие лица и голоса, вернув тишину, в которой каждый звук собственного дыхания становился громче, чем любые приказы, обсуждения и отчёты, звучавшие в течение дня.

Он медленно и тяжело опустился на край кровати, его тело только сейчас напомнило, сколько часов подряд держалось в напряженном состоянии.

Его огромные плечи чуть осунулись, не потому что он устал, а потому что впервые за сутки не нужно было никому ничего доказывать и держать марку.

Волосы, как всегда, были уложены идеально — даже в них чувствовалась его одержимость порядком и стремление к точности, к власти над хаосом — но сейчас, впервые за долгое время, он провёл по ним рукой, резко, с раздражением, с какой-то тихой злостью, как будто хотел нарушить этот внешний лоск, чтобы хоть что-то вокруг соответствовало внутреннему беспорядку.

Он откинулся на кровать, а его взгляд медленно скользил по стене, по полу, по рукам, как будто Адриан искал те самые родные стены из его детства, цепляясь за тёплые и родные воспоминания. Не найдя этого, они просто застыли и смотрели в пустоту — туда, где до сих пор жила тихая, почти невыносимая память о тех, кого он не сумел спасти, и о шагах, обратного пути к которым уже не существовало.

И в этом молчании и застывшей позе, не было ни величия, ни грандиозных планов, ни давления мира, он был просто человек, который устал быть вершителем судьбы всего

человечества.

#

Тем временем по периметру уровня безопасности «Криптона» - небоскреба, который возвышался над базой проекта “Синхронизация”, Хагал обходил датчики. Пальцы в чёрных перчатках едва касались панелей идентификации: точные линии, длинные коды и слегка запотевшая сталь монитора. Он вставил пломбу, закрыл крышку, провёл пальцем, фиксируя время и код проверки.

— Сегодня всё без отклонений, сэр, — доложил ему сержант дежурной смены.

— Продолжайте наблюдение, — ответил Хагал. Голос ровный, будто отшлифованный. Его лицо не выражало никаких эмоций.

Его взгляд задержался на бегущей строке статистики: «Сопротивление — нивелировано». Серые бригады возвращаются на базу. Цифры казались идеальными. Он остался доволен своим отчетом по проекту. Идеальность, как он знал из своей работы в спецорганизациях, всегда служила лучшей маскировкой недостатков.

Едва заметно он кивнул сам себе и пошёл дальше.

#

В другом конце города, далеко от стерильного подземелья, тяжёлые ворота склада лязгнули, впуская ледяной воздух ночной улицы. Киара скользнула внутрь и медленно и тихо опустила ржавую балку, чтоб закрыть проход. В ярком

свете светодиодной лампы на грубом столе лежал разобранный чип.

— Смотри, код — новый, — шепнул тощий парень с пятном масла на щеке. — Это не старая версия. Они обновили шифр.

Киара вскинула брови, заглядывая через линзу. В ядре микросхемы мерцал шифр — незнакомая голографическая маркировка.

— Взломаешь? — уточнила она, но ответ был очевиден. Под оболочкой скрывалась криптограмма, которую невозможно было считать без мастер-ключа. Это ядро, могло заставить носителя сделать всё, что угодно.

Она выпрямилась, чувствуя, как замирает дыхание.

— У нас сорок дней, — произнесла Киара. Голос прозвучал глухо — Потом это не остановить.

И в этот миг где-то под землёй, там, где Адриан готовил новую фазу, таймер на экранах продолжал безжалостно тикать: 39 дней 23 часа 59 минут...

Мир ещё не знал, что между этими цифрами и первым ударом сердца свободы пролегла лишь одна тонкая человеческая воля — готовая погаснуть или вспыхнуть ярче любого огня.

Глава 3. Последний день

Этот день, как монолит, навсегда остался в памяти Адриана.

Море, как теплая и гладкая бирюза, слизывало позолоту с песка. Солнце не палило, а играло, рассыпаясь тысячами бликов по волнам. И Сицилия... Сицилия скакала по кромке прибоя, как виртуоз играл на струнах скрипки. Ее смех, высокий и чистый, резал соленый воздух, смешиваясь с криками чаек. Родители шли следом, плечом к плечу, их руки иногда соприкасались, а в уголках глаз собирались лучики морщинок от улыбок. Это был их долгожданный летний отдых. Впереди были две недели забвения.

В этот день Адриан остался в прохладной полутьме виллы. Детский гнев клокотал у него в горле. Скорее, это была раздраженная усталость от вечной детской возни сестры, от того, что его оторвали от статьи в журнале «Научный горизонт». Слова вырвались резко, с металлическим привкусом:

— Идите сами на море! Хочу побыть в тишине и спокойно почитать!

Они понимающе кивнули. Мать лишь вздохнула, а отец бросил фразу: «Не кисни, профессор». А Сицилия... она обернулась на пороге. Свет сзади окутал ее сияющим контуром. Ее губы дрогнули – она хотела что-то крикнуть, позвать, уговорить? Но передумала. Просто... улыбнулась. Ши-

роко, чуть грустно. Улыбка, в которой было больше понимания, чем должно быть у семилетней девочки. Улыбка, которая словно говорила: “Ладно, братик. Прощаю.”

Прошел час или сорок минут, время вязло в липкой дремотной тишине виллы, нарушаемой лишь стрекотом цикад за окном.

И в этой тишине – стекла в окнах задрожали тонким, звенящим гулом. Адриан почувствовал кожей – низкий, гудящий толчок. Как будто Земля, эта огромная, казавшаяся незыблемой глыба, сделала один неверный, пьяный шаг.

Экстренное сообщение, искромсанное диким визгом помех, рваные фразы: «...Авария... Ядерные испытания... Волна цунами... пляж Коланто...». Потом абсолютная, оглушающая тишина.

Сердце не замерло, оно взорвалось дикой, бешеной дробью где-то в горле. Пляж Коланто, именно туда отправилась его семья. Он вылетел из дома, как пуля. Воздух снаружи был прежним – теплым, соленым. Солнце светило так, как будто ничего не произошло.

Он бежал вниз по тропинке, камни больно впивались в босые ступни. Он кричал в пустоту, диким, нечеловеческим голосом, который сам себя пугал. «МАМА! ПАПА! СИЦИЛИЯ!» Звук тонул в грохоте прибоя, будто море уже поглотило все.

Пляж был пуст и заполнен водой.

Позже, в в полицейском участке он без эмоций выслушал

заключение сержанта: Пропали без вести. Их тела не удалось обнаружить, была мощная волна цунами. Он не мог поверить в эти слова. Ядерный полигон был на другом конце континента. Это были секретные испытания во время которых произошла ошибка. Произошел сбой в сдерживающих системах и все произошло на этом клочке берега... Там где была их летняя сказка.

Он выжил, но только потому, что остался дома. Только потому, что был злым. Детский и сиюминутный гнев его спас, но навсегда оставил одного.

Слез не было, его тело онемело, он хотел рыдать, но не мог себя заставить это делать. Слезы пришли позже, гораздо позже, когда он сидел в пустой, вымершей палате временного госпиталя, где пахло хлоркой и смертью. Он сидел на железной койке, сжимая в руке ту самую научную статью, из-за которой остался дома. Бумага была мокрой от слез, которые текли сами, беззвучно и бесконечно. Каждая капля откликнулась в нем, как частица его абсолютного одиночества.

Той ночью, когда рыдания иссякли, а глаза превратились в горящие угольки, он сидел в темноте. Перед ним лежал истрепанный, безжизненный журнал. Его сердце разрывала пустота и в этой пустоте, родилось понимание.

Мир сам себя уничтожит. Из-за религии, хаоса и природных ресурсов. Из-за того, что миллиарды людей не слышат друг друга. В этой реальности нет единого ритма, в ней нет единого порядка... Здесь каждый тянет одеяло на себя, за-

рывающая всех в эту огромную братскую могилу. И если никто не возьмет на себя бремя создать порядок... Он сам должен стать этим человеком.

Так умер Адриан, тот самый мальчик, который любил море и квантовую физику. И так родился Архитектор и его проект, который вырос из соли его слез и пепла его семьи и обрел имя:

«Синхронизация». Этот проект был как клятва, выжженная болью в самой глубине души: человечество не должно страдать от агрессии и ненависти к друг другу.

Сначала он попал в лагерь для эвакуированных. Палатки цвета грязной пыли, пропитанные запахом антисептика, пота и немой паники. Он сидел на скрипучей койке, стиснув кулаки так, что ногти впивались в ладони, и смотрел в щель в брезенте. Туда, где синела полоска водной глади. Вокруг не умолкал шепот, плакали дети, монотонно жужжали голоса волонтеров.

К нему периодически подходили:

— Сынок, как тебя зовут? Тебе помочь?

Он молчал. Глаза были как два куска обсидиана. А взгляд смотрел сквозь людей, сквозь палатки, туда, где начиналось бирюзовое море..

Потом была тишина чужой квартиры. Это была крошечная коробочка в безликой новостройке, «временно представленная Комитетом компенсаций». Безликий интерьер пах пылью и одиночеством. Он не распаковал чемодан. Целыми

днями он сидел на подоконнике, прижав лоб к холодному стеклу, и смотрел на серый город, которого не знал и не хотел знать. К нему приходили: психологи, следователи и чиновник.

Он не хотел с ними разговаривать. Ни о Сицилии, чей смех теперь резал тишину по ночам, ни о цунами, ни о себе – мальчике, которого больше не было.

Когда ему исполнилось семнадцать, эта цифра была отмечена в календаре одним росчерком пера – он поступил в Институт системной нейropsychологии. Он решил, что это необходимо сделать. Один из немногих островков, где его гениальный ум, смог найти свое пристанище. Его результаты тестирования превзошли норму не в три, а в шесть раз.

Он изучал все:

Поведенческие петли, которые были как крысы в лабиринте страха, людей в ловушках собственных инстинктов.

Машинное обучение в котором была холодная логика алгоритмов, лишенная ошибок отчаяния или любви.

Квантовую идентичность, как призрачную суть «я», которую можно разложить, измерить и возможно пересобрать.

Методы управления группами которые буквально можно было назвать туториалом о том, как загнать стадо в безопасный коридор, пока оно не растоптало само себя.

Он был беспощадно сосредоточен на процессе обучения. Практически все время он проводил, как призрак в библиотеке, заваленный книгами и схемами. Он не веселился на ве-

черинках, не заводил друзей, не участвовал в жизни кампуса. Его недолюбливали и боялись одноклассники. О нем шептались в коридорах, за кофе и в соцсетях кампуса. После института он создал свою корпорацию - это была лаборатория-крепость. Он создал независимое финансирование благодаря нескольким своим патентам, самостоятельно добился выхода в международное поле. Ему было двадцать четыре, когда пришел первый крупный грант.

Проект получил имя: «Синхронизация».

Суть была элегантна и чудовищна: синхронизированная нейросеть, сплетающая индивидуальные решения в единый, непротиворечивый ритм. Предотвращение ошибки – до ее совершения. Адриан представил это уравнение на закрытой конференции, его голос был спокоен, как стук метронома:

— Если каждый человек осознанно может допустить ошибку, то множество людей, объединённых в единое сознание, может быть формулой стабильности.

Тишина в зале была громче аплодисментов.

Мир продолжали раскачивать войны. Конфликт за конфликтом плавно подводил планету к катастрофе: утечка токсинов здесь, падение самолета из-за сбоя связи там, бунт дронов, паралич энергосетей от кибератаки. Планету стал охватывать хаос и люди напуганные приближением неминуемой катастрофой стали искать выход. И те, кто вчера не поддержал Адриана на закрытой конференции, посчитав «Синхронизацию» кощунством, сегодня протягивали чеко-

вые книжки и хотели стать спонсорами проекта и адептами нового порядка.

Так Адриан стал Архитектором проекта «Синхронизация». Его личность была спрятана под грифом секретности. Он верил – фанатично, без тени сомнения – что всё, что он делает, каждая строка кода, каждый шаг он делал во имя спасения человечества. Ради Сицилии, чей смех замолк в одно мгновение.

Ради матери и ради отца. Ради всех тех, кого еще можно было спасти от безжалостного молота случайности. Ради того, чтобы никто больше не стоял один на пустом берегу, вонзая ногти в ладони от бессилия и тишины.

Он стал архитектором спасения человечества..

Глава 4. Трущобы

Рассвет в старом секторе не имел цвета. Солнце, разбитое смогом, поднималось как ржавое пятно, и от него исходил не свет, а слабый металлический привкус в воздухе. Киара вышла из тоннеля метро, где давно не ходили поезда, и вдохнула сырой запах бетона. Три часа назад она дала себе слово успеть во чтобы то ни стало. Теперь обещание как свеча на ветру - вот, вот могло угаснуть.

По расписанию «серые команды» должны были забрать партию людей из блок-модуля «Лас Вегас» — старого ночного клуба, ставшего общежитием для тех, кто ещё надеялся спрятаться. Так говорили всем, но на деле клуб был ловушкой: один скан «серого» удостоверения и дверь оставалась закрытой до тех пор, пока не вживят чип тем, кто попал в эту ловушку.

Киара стремительно побежала вверх по лестнице, перепрыгивая через две ступени, выйдя на крышу соседнего корпуса, увидела унылую площадку перед клубом. Семь бронированных грузовиков, десять автоматчиков в серых комбинезонах и в руках одного из них компактный автоимплант, который представлял собой серый прямоугольник с белым символом Σ . Ей ужасно хотелось спать — это уже была вторая ночь, когда она не сомкнула глаз, но сейчас вместо сна

осталась злость. И эта злость вперемешку с адреналином побуждала действовать и давала силы.

— Я на позиции, — прошептала она в гарнитуру.

В ухе хрипло отозвался тот самый худощавый паренек - Демьян:

— Я готов. Киара покажи периметр.

Киара прижалась к бетонному парапету. Снизу доносилось приглушённое командование: «Выходить по одному. Руки за голову. Сканер — в левый проход». Шеренга людей тянулась к рамке проверки, и каждый, проходя, задерживал дыхание, как будто пытался спрятать собственный пульс.

— Они идут раньше графика, — заметила Киара. — У нас максимум пять минут.

Она вытащила из кармана светящуюся сферу — катализатор. Вчера он успешно «усыпил» два чипа, но в радиусе пяти метров. Здесь же до площадки с командой серых было около восьми метров. Киара прогнала сомнение, предательски подступившее к горлу и прицелилась, она быстрым движением пальцев поменяла настройки и рассчитала траекторию. Сфера озарила мощным импульсом все вокруг и ее волна ударила по рамке с треском, как будто кто то сломал сухие ветки деревьев. Сенсор мигнул красным, затем выстрелил каскадом цифр. Двое «серых» бросились к блоку управления, трое развернули оружие. Люди в очереди застопорились, испуганные, но не понимающие — что происходит.

Киара, не теряя темпа, спрыгнула на металлический козы-

рёк, с него — на перила пожарной лестницы. Чёрная куртка распахнулась, открывая худи цвета серого цвета. Её ботинки высекли искры, но шум поглотил басовитый гул генераторов. Она приземлилась на корточки прямо за спиной растерявшегося солдата подразделения “серых” и ударила его по шее локтем. Автомат выпал из рук, Киара подхватила его и, перевернув, пустила в небо очередь. Моментально поднялся шум. В панике люди бросились врассыпную.

— Стоп, Киара, их слишком много! — Демьян кричал в наушник. — Уноси оттуда ноги!

Но отходить было некуда — позади мелькнула девочка лет семи: тёмные глаза, тонкие запястья, она вжалась в узкое пространство между стеной и водосточной трубой. “Серый” сделал несколько шагов в сторону ребенка. Киара заметила этот маневр и прыгнула вперёд, размахнулась и ударила дулом автомата по кисти — он закричал, роняя оружие. Одним прыжком она преодолела расстояние до девочки.

— Как тебя зовут? — быстро спросила она.

— Стефа... — испуганно ответила она.

— Беги не оглядываясь быстро к тоннелю метро, — шепнула она, показывая направление рукой — Там тебя встретят. Девочка кивнула и побежала.

Прогремел выстрел. Пуля ударила в перила рядом с Киарой, деревянные щепки разлетелись в разные стороны. Она прыгнула и отбросила автомат в сторону, схватила сферу, сжав ее с 2 сторон, яркий свет исходивший от нее внезапно

но погас. Теперь она прыгнула другую сторону, выхватила из кармана ослепляющую шашку и подкинула ее в воздух. Закрыв глаза воротом куртки она подождала секунду, после осмотрелась по сторонам и скрылась в трущобах.

— Я отвлеку их, — прохрипел Демьян. — У тебя тридцать секунд.

Он деактивировал все устройства. Всё вокруг накрыло коротким сбоем. Сквозь защитные шлемы «серых» были слышны удивлённые выкрики.

Киара, задыхаясь и переводя дыхание остановилась около входа в тоннель, она еще раз бросила взгляд на площадку: люди разбегались, кто-то тащил стариков, кто-то — детей. Она улыбнулась уголками губ. На мгновение она почувствовала вкус победы, но ровно через секунду со всех сторон завыла сирена: приближалось усиление.

— «Я отработала», — сказала она в гарнитуру. — «Встречаемся возле турникета»

И быстро забежала в боковой тоннель, закрыв за собой тяжелую дверь на замок.

Тоннель был длинной бетонной кишкой, исписанной старыми граффити. Демьян ждал у поломанного турникета. Он держал сумку с инструментами, а его правая рука дрожала: первые признаки адреналинового отхода.

— Думаешь, они запомнили твоё лицо? — спросил он, когда Киара шагнула под жёлтый свет фонаря.

— Я думаю о девочке. Её зовут Стефа, — ответила она,

вытирая рукавом кровь со скулы. — Если мы не забрали её сейчас, её бы точно сломала система завтра.

— Тебе теперь опасно работать на поверхности — Демьян протянул ей монитор.

— лица нигде не видно... — Лира посмотрела на дисплей.

Она села на бетонную плиту, вынула из кармана новый трофей: чип. микроскопический диод мигал едва заметными импульсами: чип жил и искал сеть.

— Последняя версия — усмехнулся Демьян.

— Последняя не значит непобедимая, — Киара пристально вглядывалась в микроскопический диод. — Нам нужен ключ. Если подберем ключ, то сможем переписать чип. Или хотя бы научимся их массово блокировать.

— А если не успеем?

Она подняла глаза. Демьян отвёл взгляд первым.

— Тогда мы не справились, — тихо произнесла она.

Подземные коммуникации вели их к укрытию — бывшему центру распределения метро. Здесь запасные рельсы и решётчатые мостки образовывали хаотичный лабиринт, который знали лишь немногие. Трое подростков, которых спасли ранее, сторожили вход. Увидев Киару, они расплылись в улыбках: значит ее план сработал.

Внутри, среди фонарей и свисающих проводов, сидела Стефа. Девочка держала в руках чашку горячего чая, ее тело была мелкая дрожь. Все ее бережно пытались успокоить, кто то даже притащил одеяло и заботливо накинул на ее плечи.

— Ты не ранена? — спросила Киара.

Стефа покачала головой, губы дрожали.

— Чип не успели поставить? — заботливо спросила Киара

— Нет. Меня отобрали в последний момент. Я жила в интернате, они сказали будь готова. Киара присела рядом. Почти так же когда-то присела медсестра на руинах госпиталя, пояснив маленькой Киаре: «Мамы больше нет». Этот образ всплыл мгновенно в памяти, и так же быстро исчез под бронёй воли.

— Теперь всё иначе, — сказала она твёрдо. — Отдохни. Здесь тебя никто не тронет.

Она встала. Демьян отступил в тень, давая Киаре пространство. Внутри распространялось странное ощущение: облегчение и печаль одновременно. Им удалось вырвать эту девчонку, но со сколькими людьми получится так же?

Киара коснулась кармана. Трофейный чип отзывался согревающим импульсом. В нём было что-то, что могло изменить расстановку сил, если они успеют его взломать. Главное чтобы им удалось это сделать.

— Тридцать восемь дней, — напомнил Демьян.

— Я помню, — ответила она.

В это же утро, далеко отсюда, на пол километра ниже поверхности земли, Хагал стоял посреди серверной, где температура едва достигала восьми градусов. В свете диодов лицо его казалось выточенным из камня. Он слушал отчёт де-

журного о кратковременном сбое рамки. Формулировка была сухой: «Неидентифицированный импульсный взрыв, воздействие на оборудование, пострадавших нет, нарушители скрылись».

— Вычислите источник, — произнёс Хагал, и голос его эхом ударил в металлические стенки. — Полный сетевой анализ.

Дежурный замешкался: — Трафик слишком хаотичен.

— Найдите след, — повторил Хагал. Затем холодно добавил: — Или найдите того, кто найдёт.

Когда он остался один, экран вывел статусы Южного сектора. Все зоны — зелёные. Система идеальна.

Вечером Лира сидела на краю платформы, где когда-то тормозили экспрессы. Холодный воздух продувал тоннель, от которого отблески лампы разлетались в разные стороны и отражались на стенах тоскливым оранжевым огнём. Демьян устроился рядом, и просматривал сообщения системы в планшете.

— Точку “Лас Вегас” заморозили, — сказал он. — она не восстановлена, стоит вопрос о демонтаже.

В полночь над Южным сектором падал тихий дождь. Камеры наблюдения фиксировали блики мокрого асфальта, медленно пульсирующие рекламы, смех прохожих — всё вокруг “дышало” спокойствием и умиротворением. В лабора-

тории Global сервера напевали свою мелодию которую может издавать только холодный металл, а на поверхности, в тени развалин, Лира записывала в планшет новую заметку: «вариант взлома».

Ее рука дрожала от усталости. Она отключила планшет и прислонилась к стене. За бетонной перегородкой спало около сотни бесчиповых людей, которые ещё могли тревожно вздрагивать во сне.

Лира прикоснулась к карману, где лежал новый чип. Он согревал ее кожу. У них осталось тридцать восемь дней. Таймер контролировал время до старта, секунда за секундой, он приближался к намеченной цели. Им нужно попасть внутрь кода до того, как импульс охватит не только Южный кластер, но и всё остальное человечество.

Она закрыла глаза и впервые за долгое время позволила себе забыться глубоким сном.

Прошло несколько часов. Киара вдохнула сырой, жестяной воздух. Теперь, когда пыль осела, её фигура в грубой куртке и забрызганных ботинках уже не казалась тенью. Ее лицо, на первый взгляд было неприметным — но это было только на первый взгляд. Высокие скулы, широкие губы были сжаты в тонкую напряженную линию. Тёмные длинные волнистые волосы были стянуты в тугий пучок, который скрывал всю красоту ее роскошных локонов. Но больше всего в ее внешности поражали глаза, они были цвета разбушевавшегося океана, в них скрывалась ее магнетическая при-

тягательность. Красота в ней была как яркий и непокорный огонь, который притягивает взгляд.

Но Киара во время боя становилась другой. Ее облик искажала ярость и решимость.

Глава 5. Надежда

Утро было соткано из хрупких нитей обыденности. Пар, с травяным отваром из ромашки, мяты и еще какого то горьковатого вкуса, лениво вился над глиняной кружкой. В воздухе витал запах выветрившегося лавандового масла, которым мама каждый день пыталась прогнать въедливый дух сырости, вечно плачущий из трещин в стенах их каморки. Киаре было восемь лет. Она прижалась к маминому боку, вдыхая этот знакомый и успокаивающий запах, переплетенный с ароматом свежее испеченного хлеба. Мамины пальцы, шершавые от тяжелой работы, перебирали ее тонкие волосы.

Но этом воздухе висело какое то тяжелое предчувствие. Птицы, обычно оглушительно щебетавшие за окном, сегодня молчали. Киара подняла глаза и увидела, как за запотевшим стеклом, высоко в серо-желтом небе, зависли дроны. Не обычные патрульные, а угловатые, с незнакомыми кроваво-черными значками на корпусах. И в тот же миг раздались ужасные взрывы. Стекла в окнах выбило ударной волной и они рассыпались на миллионы осколков. В этот момент энергосеть выключило, как будто кто-то перерезал пуповину города.

Мамины руки вдруг схватили ее, сжав ее плечи не нежно, а крепко практически до боли. В полумраке Киара увидела ее лицо, оно было бледным, но предельно собранное. Ее гла-

за – огромные, полные ужаса, заставили ее сердце сжаться в ледяной комок.

— Запомни, Ки. — Голос мамы был спокоен, но под этим спокойствием она едва прикрывала бушевавшую внутри бурю. Киара чувствовала ее дрожь, передававшуюся через пальцы. — Если нас разлучат... — Мама сделала глубокий вдох, ее взгляд впился в дочь, пытаясь впечатать слова прямо в душу. — Беги. Прямо сейчас к южному входу старого метрополитена. Там будет безопасно. Там... там тебя не найдут. Слышишь? К южному входу старого метрополитена!

Грохот был где-то совсем близко. Вокруг раздавались крики, переплетающийся со звоном бьющегося стекла. Дверь их камеры вырвало порывом ветра, ворвавшегося с улицы, пахнувшего гарью и пылью. Мамины руки оттолкнули Киару в угол. Кто-то схватил ее за плечо, потащил в толпу мечущихся теней в полумраке коридора.

— МА... — в горле застрял ее крик. Отчаянный. И ответ – только взгляд, последний и предупреждающий взгляд чтобы она замолчала. Взгляд полный такой любви и такого ужаса, он навсегда врезался в ее память. Потом – толпа поглотила маму.

Киара бежала не помня себя, спотыкаясь о разбросанный хлам, ее толкали и сбивали с ног, она поднималась и бежала дальше. Южный вход старого метрополитена, Мама сказала, что там безопасно! Ее маленькие ноги несли ее сквозь хаос, мимо искаженных страхом лиц, мимо рушащихся кар-

низов, под вой сирен и далекие хлопки, от которых содрогалась земля. Южный вход старого метрополитена, к которому она добежала задыхаясь, с разбитыми коленями и с лицом, мокрым от слез и пота. И увидела... Гору дымящихся обломков. Глыбы разломанного кирпича вперемешку с расплавленным пластиком, искореженная арматура, горький и едкий дым, который застилал глаза и оседал в легких. Безопасность? Найдут? Где?! Она стояла и смотрела по сторонам на этот хаос, маленькая и потерянная, среди всего этого апокалипсиса... Она кричала надрывая горло, звала маму, звала помощь... Звала хоть когонибудь... Но ее голос был ничтожной песчинкой в чудовищном хоре сирен, взрывов и руин. Чужие люди, такие же испуганные, бежали мимо, хватая детей, стариков, таща узлы прочь отсюда. От смерти, которая уже настигла вход в метрополитен и ползла дальше.

Годы-призраки практически стерлись из памяти, как старая фреска под дождем, оставив лишь легкие силуэты. Ледяное дыхание вентиляционных шахт, где она спала, прижавшись к теплу трубы. Тошнотворная сладость подгнивших фруктов из мусорного контейнера за рестораном; соленый привкус украденной колбасной обрезки. Звериный оскал старших беспризорников, деливших территорию; злобный жужжащий звук полицейского дрона, прочесывающего район. Вечный бег по крышам, дворам, и канализационным тоннелям, только чтобы не попасть в поле зрения.

А как же сиротские центры? Для них она была призраком.

О ней нигде не было записей о ее рождении, она не имела цифрового следа. Ее не чипировали потому, что она не существовала в системе.

Она научилась обманывать таких же как она — уличных детей. Которые были голодные и злые. Их было легче научить бояться. Страх для нее, стал валютой выживания. Она стала маленьким, быстрым и безжалостным хищником в каменных джунглях.

К двенадцати годам карта города была выжжена в ее мозгу маршрутами выживания: она знала где переждать ночной обход дронов, с кем можно делить вентиляционную шахту на пару ночей, кого обходить десятой дорогой. Перед ней стояла задача остаться в живых любой ценой.

Тринадцатилетняя девочка в рваной куртке на три размера больше, с лицом, покрытым грязью и веснушками, и глазами, цвета лазурного неба, в которых были только вызовы улицы. Однажды она перерубила петлю на шее мальчишки, которого тащили в черный фургон люди в сером без опознавательных знаков. Она действовала молниеносно и беззвучно, используя знание уязвимых точек и слепых зон камер. Она спасла не только его, но еще много таких же потерянных подростков. За это ее начали уважать.

В трущобах, где был сильный и бесстрашный вожак, появился свой порядок. Минимальные правила, чтобы дети не гибли под колесами грузовиков, не замерзали насмерть в снегу.

Сначала это был только подвал в старом и заброшенном метрополитене. Потом – тайники с едой и медикаментами в разных районах. Так из искры отчаяния и выживания родилось ядро сопротивления. Маленькое и пока невидимое для Системы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.